

Анна Хмур

ЛОГОВОКРУЖЕНИЕ

Анна Хмур
Логовокружение

«Издательские решения»

Хмур А.

Логовокружение / А. Хмур — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-901794-9

Книга издана при поддержке Министерства культуры РФ и Союза российских писателей. Автор взялся за создание этой книги в сезон костров-до-самого-неба, когда сгребают палую листву — и...И автор сгреб тетрадную листву...

ISBN 978-5-44-901794-9

© Хмур А.
© Издательские решения

Содержание

Вместо предисловия	6
ВЕТЕР	8
«Вот пуля просвистела, и – ага! ну в смысле все...»	9
«Портвейн из баночки успеет испариться...»	10
«везде и всюду в хвост и в гриву не права...»	11
«уют заключается в мелочах...»	12
Прогноз погоды	13
«ты как стайка взъерошенных воробьев...»	14
Колыбельная	15
Клубничное варенье	16
«скажи мне хриплым как в телефоне...»	17
Календарь	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Логовокружение

Анна Хмур

*А девочкам – в бирюлечках и бантах —
ты накарябай лопнувшим ногтём,
что авторучка ходит на пуантах.
И будь поэтом. Ветреным притом.
Геннадий Жуков, «Речитатив для флейты»*

Иллюстрация на обложке Екатерина Саранская

© Анна Хмур, 2018

ISBN 978-5-4490-1794-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вместо предисловия

Подобно христианскому богу, повседневность всевременна и вездесуща. Однако вряд ли кто-то назовет ее всеблагодать. <smile> Если представить ее как некое существо, то телом ее будут *все дни*, лежащие в корне имени, а сущность составят ежедневные ритуалы, отлаженный временем ход событий. Все это – следует из языка. Но станет ли тогда нарушение этих ритуалов, или, чего доброго, разрушение – преодолением повседневности? Именно в этом смысле в обыденной речи употребляется выражение «вырваться из повседневности».

«Царице моя преблагая, Надеждо моя, Богородице, Приятельнице сирых и странных Предстательнице, скорбящих Радосте, обидимых Покровительнице!..» – ежевечерне говорила я, стоя на коленях перед иконой Божьей Матери. А в один прекрасный день, воспротивившись механичности повторения, стирающей смысл слов, прочла ее на иврите. Спустя несколько дней я читала Богородице молитву покаянную, сидя перед иконостасом по-турецки. Еще через неделю, зайдя в церковь, после минутных раздумий я повязала свой благочестивый платочек на шею на манер пионерского галстука, помянула черта, и вышла вон.

Вышла – и задумалась: уж не стало ли это нарушение ритуалов, подразумевающее под собой преодоление повседневности, новой формой повседневности? С неизбежностью стало. Как миф. Подвергнувшись попыткам рационального объяснения, старый миф умирает, становясь историей, а новая реальность, пока еще ускользающая от попыток ее объяснить – становится новым, живым (вернее сказать – живущим) мифом. И так – до бесконечности. Подобные безысходности настораживают, если не сказать – пугают.

...Зриши мою беду, зриши мою скорбь; помози ми, яко немощну, окорми мя, яко странна!..

Если повседневность состоит из ритуалов, то обыденное мышление в конечном счете сводится к принятию решения: соблюсти или нарушить. Но это – потом, в конце; меня же более результата интересует само мышление. Прежде всего – мышление, обыденное мышление, являющееся в данный момент предметом моего мышления, не является предметом обыденного мышления. Каков его характер? Постклассическая философия говорит, что человеческое мышление – диалогично. Двадцатый век отвергает концепции, согласно которым мышление носит характер монолога, где мыслящий – автономен, и, как следствие, никому не должен. И мысль эта хороша, мысль эта верна и правильна в контексте рассуждений об обыденном мышлении: ведь Повседневность существует в неразрывной связи с Пространством Коммуникации. «Словом можно убить, словом можно спасти, словом можно полки за собой повести...» А вне упомянутого Пространства некого спасать, убивать, и уж тем более – вести за собой в составе полка. Уставшие от повседневности ищут уединения, где невозбранно можно будет утешаться монологами:

...Обиду мою веси – разреши ту, яко волиши!...

А я продолжу искать характерные черты обыденного мышления. Стало быть, диалогично, да? – Да, диалогично. Но во всяком диалоге может стать так, что один из собеседников будет говорить столь долго, что реплика его более будет походить на монолог. Каков же характер той самой реплики – откровенной, содержательно подчеркнута субъективной, выкладывающей все карты на стол? Присмотревшись, вы можете разглядеть в ней все характерные признаки жанра

эссе: тут тебе и небольшой объем, и конкретная тема с подчеркнута субъективной ее трактовкой, и свободная композиция, и smile ориентация на разговорную речь... Михаил Эпштейн пишет: «В глубине эссе заложена определенная концепция человека [которая и придает связанное единство всем тем внешним признакам жанра, которые обычно перечисляются в энциклопедиях...]» Я скажу больше: в глубине человека заложена концепция эссе. Тут вспоминается случай, рассказанный Дмитрием Воденниковым в одном из выпусков программы «Поэтическим минимумом»:

«Я давно просил прислать мне нижеприведенный рассказ в почту. Когда-то разговаривая в аське, я сказал, наблюдая, как связно выпрыгивают сообщения, ничего сам при этом не отвечая на них, молча читая. Так вот, я сказал: «Ничего не убирайте отсюда. Просто возьмите как текст – и напечатайте, это ведь рассказ, самый настоящий. Только у всех то, о чем Вы рассказывали, занимает три года или всю жизнь, а у Вас – три часа. Ну так скопируйте же, но не пишите заново, не сочиняйте...»

Вод ведь что получается: даже быт человека, эта круговерть, его Повседневность – в иные моменты несет в себе художественную ценность. Тогда, может быть, попытки преодоления повседневности себя не стоят? Пожалуй, что и не стоят. И хорошо, и ладно. Так и будем жить на грани быта и литературы, день ото дня преодолевая собственные жанровые особенности.

...Яко не имам инья помощи, разве Тебе, ни инья Предстательницы, ни благия Утешительницы, токмо Тебе, о Богомати!

Яко да сохраниши мя и покрыеши во веки веков. Аминь».

ВЕТЕР

Ветер ударил в лицо,
вот и ты ударь.
В медном колечке зрачок...
Ну давай, давай!
Ветер ударил в плечо...
Обними, смелей!
Господи, как горячо
в майке в октябре!..
Ветер метнулся к ногам.
Осень. Навсегда
перечеркнут небеса
черные провода...

«Вот пуля просвистела, и – ага! ну в смысле все...»

Вот пуля просвистела, и – ага! ну в смысле все
Закончилось одномоментно дырочкой в груди.
Закончилась динамика, последний вышел срок,
Летела пуля-дура чтоб сказать: пора уйти.

Давно пора уйти, сказав свое «прости-прощай»,
Расстаться на мосту – пойдешь домой, останусь здесь...
Не надо замедлять – тебя я не окликну – шаг,
Быстрее скройся с глаз, пока еще не вышел весь.

Ишь что удумал – плакать и стонать, что тот солдат
Подстреленный. И беды все от дур, как ни крути.
Его уж не вернуть. За ним, качаясь, «Ать-два-ать!..»
Кровавая болит от дуры дырочка в груди...

«Портвейн из баночки успеет испариться...»

*«Стою на полустаночке
И пью портвейн из баночки...»*

Фольклор

Портвейн из баночки успеет испариться,
Пока стоишь один на полустанке.
Иди уже домой с моей страницы.
Дом на задворках северной столицы
Ждет, как родного (что совсем не странно),

Как ждешь ты эту дуру, как родную,
Хоть ясно, что сегодня не придет.
Иди уже домой, а то продует...
Ударил хмель в башку его дурную.
Качаясь, он ушел, не став сюжетом.

«Везде и всюду в хвост и в гриву не права...»

везде и всюду в хвост и в гриву не права.
пойду в субботу сдам на птичкины права,
а ну вас всех. и стану жить на небе.
не будет там ни песен, ни стихов,
а только дым и перья облаков,
и птичьего голоса, и клочья света.

я буду в небесах, где папин дым.
он так же, как и я, неудержим,
поскольку, как и я, неосязаем...
а может, в небе будет все не так
и кто туда стремится – тот дурак.
там поглядим, там поживем-попрем – узнаем...

«УЮТ ЗАКЛЮЧАЕТСЯ В МЕЛОЧАХ...»

уют заключается в мелочах.

так определяет уют балкона
наличие пепельницы и книжных полок.

пейзаж создает атмосферу окна.

так делает комнату теплой ее беспорядок,
когда уже знаешь,
где и что в нем лежит.

мне совсем не горит
уезжать отсюда.
давай останемся здесь?

здесь,
кроме пепельницы и книжных полок,
коврик лежит на полу балкона,
в окне не улица, а река,
то тучи,
то облака...

и комната любит нас всеми своими стенами и углами
заботливо хранит вещи,
ласкает снами...

пусто вовне.

и мне никогда не уйти отсюда.
я уже стала этими книгами и посудой,
пледом,
гитарой,
царапинкой на столе,
пеплом мальборо,
облаками в окне...

Прогноз погоды

Деревья без листьев и воздух морозный.
Зима будет снежной, и ночь будет звездной.
Потрескалось зеркало лужи стеклянной.
Зима будет светлой, любовь – безоглядной.
Толпа ребятни закидает снежками.
Свидание будет, как май, долгожданным.
Бегу, что есть силы, на ветер навстречу.
Февраль будет долгим, январь – быстротечным.
Бегу, по колено в снегу утопая
Наутро я буду простудой больная.
Ты будешь задумчив, а я несерьезна:
Чего, мол, нахмурился? —
Ночь будет звездной.

«ТЫ КАК СТАЙКА ВЗЪЕРОШЕННЫХ ВОРОБЬЕВ...»

ты как стайка взъерошенных воробьев
почирикаешь и улетишь
капает с крыш
взмах крыльев небрежный и будешь таков
будешь таков каких не видывал свет
будешь прекрасен как моррисон леннон бог весть кто еще
холодно
горячо
останься еще
но взмах и тебя уже нет
47
78
объятье
о большем никто не просит
из камня
из глины
78
взмах крыльев железных и будешь таков
ты сделан из воробьев

Колыбельная

Засыпаешь за тысячу верст, и баюкает ночь
завыванием ветра, звуком чиркнувшей спички...
мне б железнодорожным рывком это все превозмочь,
вновь отдавшись в прокуренном тамбуре вредной привычке...

Ночь баюкает небом бездонным и отсветом фар,
сквозняком, тишиною, легчайшим привкусом дыма...
По краям сигареты помада и красный пожар.
Докурю – и погаснет, сейчас докурю – и остынет...

Боже, где я сейчас? А была бы флейтой твоей,
тихим звуком высоким, который как сказка на ночь
о маленькой лодке, плывущей сквозь летний день,
заблудившихся птицах без клеток и без цепей,

о мышинном горошке, который тихо цветет
лишь неделю в июне, в самом его разгаре,
прячась в тени окраины вдоль дорог,
о детях цветов, о зарницах степного пожара...

а потом захлестнет волна лизергиновых снов —
неглубоких, как лужа; вода вперемешку с бензином —
маслянистая радуга маленьких диких цветов,
что росли без надзора винтом и погибли невинно...

Заблудись в лабиринтах туманно-дымного сна,
полной грудью дыши тем нездешним воздухом странным.
Там, во сне, уже лето, ли цветет весна?
Здесь, в зиме, за одну одну поджигает Анна.

Скоро утро. Я выйду на мост, раскачаю зарю,
Разогрею рассвет своей горькой кофейною кровью.
Я всю ночь то с тобою, а то о тебе говорю,
Предрассветный свой бред именуя зачем-то любовью...

Клубничное варенье

Ну нету его...

Смешай абрикосовое с малиновым – будет клубничное (так считают художники). Черт знает что за окном – ни снега, ни дождика. – Апч-хи! – Будь здоров, дорогой. Нафига тебе эта ангина...

Что? Ты бредишь, дурак, или правда клубничное любишь?

Ну я тебе говорю – смешай абрикосовое с малиновым...

Давай сюда градусник, братец. Чай будешь?

Ну нету клубничного, нету, достал, идиот. Потерпи, скоро будет полегче, температура спадет – вылетишь вон из квартиры, пойдешь за клубничным своим, нафиг провалишь!.. Плохо?

Выпей таблетку...

Цитрамон, аспирин...

«скажи мне хриплым как в телефоне...»

скажи мне хриплым как в телефоне
или прерывистым будто в скайпе
что холода уже на исходе
что возвращаются птичьи стаи

чтоб плюс пять-семь стали чуть теплее
и чтобы солнце и чтобы ясно
и чтобы время пошло быстрее
но как картинка гудки двоятся

не ровен пульс холодны ладони
неровен час я услышу голос
и на прощание «до созвона»
и вспыхнет зелень и тронет поезд

и тронет сердце знакомым взором
и милым голосом да тем самым
что с хрипотцою был в телефоне
и прерывался местами в скайпе

Календарь

Январь дурачок, не поймешь его – снег или дождь,
февраль холодней, и его попробуй пойми,
а март – это бред, под ветровкой тоненькой дрожь,
в апрель уходящая – к маю хотя бы уйми.

Желты одуванчики в нем, будто стены палат,
они выпускают в заснеженный пухом июнь,
поднимающий ртуть под полтинник, вносящий разлад
в наступающий ночью уставший от солнца июль,

почему-то столивному названный. Пусть себе врут,
Бог им судья и рубиновый август судья —
протравленный дымом и горький не как грейпфрут,
но как полынь, этот месяц тоски и жнивья,

этот месяц костров в огородах, мелеющих рек,
он на убыль идет, как солнце – наискосок,
уходя, он молчит нам, что скоро выпадет снег,
и пускает себе молчаливую пулю в висок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.